

ПЛАНИРОВАНИЕ В ЭКОНОМИКЕ XXI ВЕКА: КАКОЕ И ДЛЯ ЧЕГО?

Александр Владимирович Бузгалин,

доктор экономических наук, профессор,
профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
визит-профессор Пекинского государственного университета,
г. Москва, Россия,
e-mail: buzgalin@mail.ru;

Андрей Иванович Колганов,

доктор экономических наук, профессор,
зав. лабораторией сравнительного анализа экономических систем
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,
e-mail: onaglo@mail.ru

Авторы раскрывают потенциал селективного планирования в современной рыночной экономике и отвечают на критику в адрес их публикаций со стороны О.Ю. Мамедова¹. В статье показано, что планирование в современной рыночной экономике качественно отлично от планирования в СССР, хотя и может использовать некоторые его достижения. В экономике позднего капитализма планирование, предполагающее выделение общенациональных приоритетов и использование косвенных методов в частном секторе и прямых – в государственном, есть одно из эффективных средств модернизации экономики вообще и российской в частности. Такое планирование есть (1) нечто принципиально меньшее, чем советский план, адресованный общественным предприятиям и имеющий по преимуществу обязательный (директивный) характер. Но оно есть вместе с тем (2) нечто принципиально большее, нежели план-прогноз или индикативный план, ибо включает четко определенную систему «правил регулирования» (средств своей реализации), утверждаемую обществом и обязательную для реализации в том пространстве национальной экономики, на которое распространяется регулирование. Кроме того, оно (3) критически синтезирует разрозненные практики прошлого и использует достижения сетевого информационного общества и в этом смысле идет дальше всех прежних опытов планирования. Авторы также доказывают, что не только планирование, но и рынок имеют свои «провалы», причем к последним относятся такие неизбежные спутники рынка, как обман, мошенничество, воровство и т.п. Раскрываются пути снятия таких «провалов» государства, как бюрократизм и коррупция.

Ключевые слова: планирование; план; рынок; государство; провалы рынка и государства; селективное государственное регулирование; модернизация российской экономики

¹ См.: Октай Мамедов. 2016. «Троянский конь» директивности // Terra Economicus, т. 14, № 2, с. 6–25. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-6-25.

PLANNING IN THE ECONOMY OF THE XXI CENTURY: WHAT KIND OF AND WHAT IS IT FOR?

Alexander V. Buzgalin,

Doct. Econ. (DSc), Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
Visiting Professor,
Peking University, Beidging, China,
e-mail: buzgalin@mail.ru;

Andrey I. Kolganov,

Doct. Econ. (DSc), Professor,
Chief of Laboratory of the Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
e-mail: onaglo@mail.ru

The authors describe the potential of selective planning in modern market economy and give respond to Prof. Oktay Mamedov's critique addressed to their publications (see: Oktay Mamedov. 2016. "Trojan horse" of Directive Planning. Terra Economicus, 2016, vol. 14, no. 2, pp. 6–25. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-6-25). In particular, the article shows that planning in modern market economy is qualitatively different from Soviet one, but can use some of its solutions. Planning in the economy of late capitalism can formulate priorities of development and use indirect methods of selective regulation in private sector and direct methods in social sector for realization of priorities and modernization of economy, in particular, Russian. Such planning is, (1) something fundamentally smaller than the Soviet plan, which was addressed to the public enterprises and had mostly mandatory (directive) character. But at the same time it is (2) something essentially more than the plan-forecast and indicative plan because it includes a well-defined system of "regulatory rules" (means of implementing the plan), which is approved by the society and is mandatory for implementation in the area of the national economy, that is subject to regulation. In addition, it (3) critically synthesizes the disparate practices of the past and uses the achievements of network information society, and in this sense, goes beyond all previous experiences of planning. Authors also show that not only plan economy, but the market one has 'failures' as well, including such satellites of the market as deception, fraud, theft. The methods to overcome such 'failures' of the state as bureaucracy and corruption are also shown.

According to the arguments given by the authors the logic of selective economic planning is as follows. Plans can and should fix the democratically elaborated and accepted goals of socio-economic development and propose a set of measures for their implementation. Its tree goals are based on the dialogue of civil society, expert communities, academic and government institutions. Among the goals of social development are a priority for the progress of human qualities, and economic growth, the more purely quantitative, should be considered only as a means to achieve this goal. Means of implementation of the priorities accepted by the society in the modern economy of late capitalism may include indirect regulators addressed most part of the economy (mass production, trade and commercial services, finance, etc.) and a combination of direct and indirect methods to regulate the very limited public sector (mainly education, health, fundamental science, culture, infrastructure).

Direct and indirect methods of regulation are expedient to unite under a single program-plan. The implementation of the selective economic planning assumes that the economy will remain market-capitalist in its basis, because indirect regulators do not cancel the market conjuncture mechanisms, but only correct it.

Keywords: *planning; plan; market; state; failures of market and state; selective state regulation; modernization of Russian economy*

JEL classifications: *O200, P110, P170*

В российской экономике стагнация, в мировой – нарастающие турбулентности, и тема планирования вновь становится актуальной, превращаясь в один из центральных вопросов в экономических дискуссиях.

Когда-то, в последние годы существования СССР, планирование стало предметом все более активной критики как якобы неизбежно бюрократический механизм, неразрывно связанный с авторитарной политической системой, бюрократизмом и «экономикой дефицита».

Четверть века спустя, после целой эпохи экспансии неолиберализма в мире и попыток внедрить свободный рынок в России, наступает новая волна: экономисты все более разочаровываются в том, что невидимая рука рынка указывает в должном направлении – направлении прогресса Человека и Общества, развивающихся в гармонии с природой и с самими собой (см., напр.: Kotz, 2015; Solow, 2013). Как следствие, вновь поднимается тема планирования, к чему прямое отношение имеет серия публикаций авторов этого текста и наших коллег (Бузгалин и Колганов, 2016a; 2016b; 2016c; 2016d; Бузгалин, 2016).

Естественно, что этот новый импульс не мог не остаться без ответа со стороны сторонников максимально возможного ограничения роли государства в экономике. Этот ответ последовал, и мы благодарны О.Ю. Мамедову за системную и аргументированную критику наших текстов, представляющую собой своего рода “энциклопедию” аргументов противников народнохозяйственного планирования (Мамедов, 2016).

1. Прояснение позиции: о каком планировании идет речь?

Спор о терминах в науке обычно бывает бесплоден, но некоторые уточнения содержания используемых понятий важны. Итак, *что же мы понимаем под планированием?*

Критикуя нас, О.Ю. Мамедов пишет: «Соглашаясь с достоинствами всех видов планирования, мы отказываем в них только *макроэкономическому планированию*» (Мамедов, 2016, с. 9). Но, строго говоря, в нашей статье вообще не идет речь о макроэкономическом планировании. Мы не говорим о планировании макроэкономических показателей: объема и прироста ВВП, уровня инфляции, объема денежной массы, ставки процента, торгового и платежного баланса и т.д. Если же под макроэкономическим планированием подразумевается планирование в народнохозяйственном масштабе, то не надо подменять термины, ибо различия двух названных понятий не пустяковы: под первым в современной экономической теории обычно подразумевают макроэкономические прогнозы (на что мы, кстати, указываем в своих текстах специально), под вторым – собственно *планирование национальной экономики*.

Вот с этим-то видом планирования и предстоит нам разбираться.

Итак, оставим спор о терминах, ибо различия в понимании термина «макроэкономическое планирование» не избавляют нас от необходимости разбираться с природой планирования на общенациональном уровне, как бы мы его не называли. Обращаясь к

анализу последнего, нам, совершенно справедливо, указывают на то, что планирование бывает разным: бывает директивное, а бывает индикативное.

Напомним читателю нашу позицию. Прежде всего, мы пишем о возможности и необходимости развития планирования в современной рыночной экономике, которую мы, опираясь на разработки наших предшественников, называем «поздним капитализмом» (см.: Mandel, 1975; Jameson, 1991). В *такой* экономике, а отнюдь не в советской экономике эпохи сталинизма, народнохозяйственное планирование может быть разным и на практике является разным.

Во-первых, и мы об этом постоянно пишем, на протяжении XX – начала XXI вв. и страны «центра», и страны «периферии» использовали и используют индикативное планирование (см., напр.: Balassa, 1990), против которого наши оппоненты как правило не возражают.

Во-вторых, откроем «великую тайну»: в современной рыночной экономике есть и директивное планирование, которое, понятное дело, ограничивается теми сферами экономики, которые работают не на рыночных принципах, а такие сферы есть, и мы к этому вопросу еще вернемся.

Мы в своих текстах начинаем с анализа *опыта* развития этих видов планирования в *рыночных* экономиках, показываем (со статистикой в руках) их позитивное влияние на решение задач модернизации национальных экономик в самых разных странах: от Южной Кореи середины прошлого века (Kuznets, 1990) до послевоенной Франции (Cazes, 1990; Rosser and Rosser, 2004), Японии (Sato, 1990) и Скандинавских стран начала нынешнего столетия (подробнее см.: Бузгалин и Колганов, 2016b, с. 11–16). Обобщая этот опыт и сравнивая его с опытом СССР эпохи НЭПа (когда у нас еще не было народнохозяйственного директивного планирования) мы делаем вывод о целесообразности развития в современных условиях вообще и в нынешней России, в частности, селективного планирования, включающего ряд параметров. Приведем для ясности фрагмент одной из наших статей:

«Итак, авторы предлагают использовать в экономике позднего капитализма вообще и в современной российской экономике, в частности, «систему отношений и институтов, которые мы (с целью избежать отождествлений, с одной стороны, с прогнозами, а с другой – с директивным советским планированием) назовем **селективным** (т.е. избирательным и ограниченным по методам и сферам применения) **планированием**. Его системное качество – определение обществом и утверждение государством на определенный период четко зафиксированных *целей* и основных «*правил игры*» в области косвенного (для частного сектора) и прямого (для общественного сектора) регулирования той *части* национальной экономики, на которую распространяется общественное регулирование.

Существенно, что такое планирование осуществляется в остающейся по преимуществу *рыночно-капиталистической*, базирующейся главным образом на *частной собственности* экономике и *двояко ограничено*: как по масштабу, так и по кругу средств воздействия (в сфере частного бизнеса они остаются только косвенными).

Такое планирование есть (1) нечто принципиально *меньшее*, чем советский план, адресованный общественным предприятиям и имеющий по преимуществу обязательный (директивный) характер. Но оно есть вместе с тем (2) нечто принципиально *большее*, нежели план-прогноз или индикативный план, ибо включает четко определенную систему «правил регулирования» (средств своей реализации), утверждаемую обществом и обязательную для реализации в том пространстве национальной экономики, на которое распространяется регулирование. Кроме того, оно (3) критически *синтезирует* разрозненные практики прошлого и использует достижения сетевого информационного общества и в этом смысле идет *дальше* всех прежних опытов планирования» (Бузгалин и Колганов, 2016d, с. 36–37).

Так что, предлагаем мы всеобъемлющее директивное планирование? Очевидно, что нет.

Так почему же нас так активно критикуют за то, чего мы не предлагаем?

Ответ кроется в контекстах наших текстов. И это не постмодернистская игра с терминами. Наши оппоненты совершенно справедливо чувствуют, что основной пафос нашей статьи направлен на елико возможное (не выходя за рамки капиталистического способа производства) ограничение механизмов действия свободной рыночной конкуренции, на ограничение гегемонии капитала и повышение роли в экономике регулирующих действий общества. И именно против этого выступает наш критик. Что ж, эта позиция хорошо известна, но в споре, как известно, важны не декларации, а аргументы. Рассмотрим последние повнимательнее.

2. Возможна ли нерыночная экономика?

Один из ключевых методологических аргументов нашего критика состоит в следующем: «Необходимость и неизбежность в обозримой исторической перспективе *государственной* организации общественной жизни и общественного производства, организации, обладающей не экономической, а надстроечной природой, организации, генерируемой из сферы, находящейся за пределами экономики, – вот в чем мы усматриваем опасность «внеэкономического» планирования для экономики» (Мамедов, 2016. С. 9).

Этот тезис, в свою очередь, прямо сопряжен с еще одним: **«субъектом макроэкономического планирования может выступать только государство»** (там же).

Оба утверждения, однако, неверны, хотя и кажутся многим очевидными.

Начнем с того, что никакая экономическая деятельность никогда не осуществлялась и не осуществляется вне волевых форм. На поверхности явлений рыночная транзакция есть не что иное, как юридический договор, а реальный актор (действующее лицо), вступающий в отношения на рынке от имени фирмы, есть юридическое лицо, полномочия которого подтверждаются соответствующим правовым документом, принимаемым на основе определенной правовой (по форме) процедуры. Означает ли это, что корпорация не есть экономический актор? То же можно сказать и о малом бизнесе и даже о домохозяйстве.

Точно так же и с государством. На поверхности явлений это политический институт, уполномоченный гражданами на определенные экономические действия в рамках определенных правовых процедур, что и зафиксировано в соответствующих правовых документах (Конституция и т.п.). Но из этого отнюдь не следует, что этот институт не вступает от имени общества в определенные экономические отношения. Даже если на время абстрагироваться от планирования, легко вспомнить, что государство в любой стране является собственником некоторого круга предприятий-товаропроизводителей, что оно осуществляет государственные закупки и иные действия, затрагивающие движение от 30–35 (в США) до 45–50 (в Западной Европе) процентов ВВП. Достаточно общеизвестно и то, что никакие хозяйственные решения не принимаются без учета внеэкономических факторов, на них влияющих, и их внеэкономических последствий. И здесь государство играло, играет, и будет играть весьма существенную роль (см., напр. (Levy, 2006), где представлен обширный анализ форм государственного участия в экономике на различных стадиях эволюции позднего капитализма). Более того, цели экономической деятельности человека вообще носят принципиально внеэкономический характер. Внеэкономическое вмешательство может быть пагубным, а может быть жизненно необходимым для экономики. Поэтому усматривать некую катастрофу в самой по себе возможности внеэкономического влияния на экономику, по меньшей мере, странно.

Гораздо более сложным является вопрос о том, *является ли планирование экономической деятельностью*. Если под экономикой в соответствии с традициями неоклассики подразумевать исключительно рыночные транзакции, то ответ, несомненно, будет отрицательным. Но если понятие «экономика» определять в рамках классической

политико-экономической парадигмы, то тогда мы можем сказать, что экономика – это система производственных отношений, диалектически связанных с определенной системой производительных сил и проявляющихся как определенная система волевых отношений и институтов. Соответственно, производственные отношения в рамках этой парадигмы определяются как объективные отношения, в которые люди вступают в процессе общественного производства, обмена, распределения и потребления благ.

Спрашивается: вступают ли люди в общественные отношения в процессе производства, осуществляемого при помощи планирования?

Спор на эту тему начался едва ли не сто лет назад и не оставляет нас до сих пор. Ответ авторов достаточно категоричен: да, вступают. Планирование есть форма объективного производственного отношения – планомерности, в которое вступают производители и потребители благ и которое опосредует и регулирует процесс производства, обмена, распределения и потребления благ.

Именно в это отношение вступают производители и потребители авианосцев и предоставляемых в общественном секторе образовательных и медицинских услуг даже в такой цитадели либерализма, как США.

Здесь, естественно, наш критик должен возразить: но ведь планирование есть сознательная деятельность, какие же здесь могут быть производственные отношения? И наш оппонент, естественно, не отказывает себе в удовольствии задать вопрос: «Что означает «сознательное регулирование экономики»? По-настоящему – это предложение перевернуть объективный механизм движения и организации общественного производства, заменив его «сознательным» планированием. В результате такой «перевернутости», пусть в теоретической модели, но надстройка становится базисом, а базис – надстройкой! Это – отказ от научного экономического мировоззрения...» (Мамедов, 2016, с. 12).

Казалось бы, нас припечатали к стенке. Но, скажите на милость, где это мы предлагаем *заменить* «объективный механизм движения и организации общественного производства» сознательным регулированием экономики? В экономике все акторы действуют сознательно, и планирование лишь передвигает эти сознательные действия с уровня отдельного лица, домохозяйства, фирмы или их объединений на уровень народного хозяйства. Разумеется, этот переход не только количественный, но и качественный, ибо он позволяет учесть и согласовать между собой прежде разрозненные и обособленные хозяйственные решения, и тем самым отчасти выйти за рамки частного хозяйства обособленных производителей. Однако никакого отказа от приоритета экономического в рамках социального и замены базиса надстройкой в таком подходе нет. Не государственная надстройка по своему произволу организует экономику, – этот кошмар есть только в воображении наших критиков, но отнюдь не в нашей статье. Говоря словами критикующего, «объективное самодвижение как результат разрешения внутренних противоречий экономики» достигается здесь не изолированными, не стихийными, а скоординированными действиями, осуществляемыми не обособленными, а солидарно действующими производителями.

И еще одна «деталь»: хотя без государства в современном обществе планирование народнохозяйственного масштаба, действительно, не осуществимо, субъектом такого планирования не является, не являлось, и не может являться *только* государство. Опыт развитых рыночных экономик показывает (и мы об этом тоже писали в своих текстах), что наиболее эффективные результаты в сфере планирования достигаются там и тогда, где и когда оно осуществляется государством в диалоге с фирмами и их объединениями, а также институтами гражданского общества, представляющими интересы предпринимателей, наемных работников, потребителей и т.п. (см., напр., об опыте Японии в этой сфере: Moriguchi, 1980).

Наши критики, однако, на это не обращают внимания: многим из них до сих пор при слове «планирование» сразу же на ум приходит ГУЛаг и только ГУЛаг. Но мы-то пишем, намеренно повторим, о другом. Впрочем, даже во время самого жесткого директивного планирования советского образца оно в той или иной мере не обходи-

лось без участия мест и трудовых коллективов. Тем более это верно для практического опыта тех разновидностей планирования, о которых мы ведем речь.

Но поскольку наши оппоненты столь постоянны в отсылках к опыту СССР, обратимся к нему и мы.

3. Еще раз к вопросу об СССР, «провалах государства», о том, для чего все же нужно планирование, и о государстве как абсолютном зле для экономики

Для критиков планирования, как мы уже заметили, уроки советской экономики однозначны: такая система ведет к ГУЛагам, голодоморам, дефициту и неизбежно рушится.

Что ж, этот подход нам хорошо знаком, и в нем есть рациональное зерно: политический авторитаризм, массовое насилие, дефицит потребительских (и не только) товаров – все это реальные черты первых опытов создания не-капиталистического общества, и авторы писали об этом в десятках своих текстов (см., напр.: Бузгалин и Колганов, 2010; Бузгалин, 2011; 2012).

Но только ли в этом ценность советских практик и практик мировой социалистической системы? Посмотрев на историю рождения рыночной экономики (период первоначального накопления капитала) ученый должен был бы прийти в неописуемый ужас от того моря зла, которое она принесла миру: безудержный колониальный грабеж, плантационное рабство, кровавое законодательство и виселицы на дорогах Великобритании, грабители, получающие дворянские титулы, непрерывные войны, в том числе – гражданские...

Нас могут справедливо спросить: а при чем здесь рынок? На что мы ответим: а при чем здесь план? Вы могли бы указать на исторический пример *рождения* капитализма, в рамках которого не было бы всего этого кошмара? *Генезис* общенационального директивного планирования тоже оказался сопряжен с насилием и трагическими противоречиями, но из этого не следует, что это имманентная черта производственного отношения «планомерность», точно так же, как из того, что в реальной истории генезис капитализма был кровав и жесток, не следует, что производственные отношения товарного производства по своей природе есть отношения, основанные на грабежах и убийствах.

Позволим здесь себе важное методологическое замечание: реальный рынок всегда включает в себя не только эквивалентный обмен, но и обман, мошенничество, воровство, грабежи и т.п.², что подтверждает простой факт существования армий юристов и полицейских в любой стране с рыночной экономикой. Но теоретическая абстракция рынка исходит из того, что этих явлений нет.

Точно так же реальное планирование всегда сопряжено с бюрократизмом, коррупцией и т.п., но теоретическая абстракция отношения «планомерность» в исходном пункте строится на допущении предпосылки, что государство адекватно отражает интересы общества.

Позволим себе в этой связи две ремарки.

Во-первых, на названной выше предпосылке основана вся идеология либерализма: государство есть институт, которому граждане делегируют реализацию своих общих интересов – обеспечение безопасности и т.п.; это марксисты говорят о том, что госу-

² Всем хорошо известно, что названные черты есть атрибут любого реального рынка, точно так же как коррупция и т.п. есть атрибут любого реального государственного регулирования. Безусловно, не все продавцы на рынке дураят покупателей (хотя поговорка «Не обманешь – не продашь!» не нами придумана), точно так же как не все государственные чиновники берут взятки. Более того, абстрактная модель рынка, что в классической политэкономии, что в неоклассике, вполне правомерно строится на допущении, что этих провалов нет. Но тогда не менее правомерно строить абстрактную модель плана, так же не принимая на первом этапе исследования во внимание провалы государства и переходя к их исследованию на последующих. Но вот парадокс, мы-то о бюрократизме как проблеме планирования пишем во всех своих материалах, а вот наши либеральные критики что-то не спешат исследовать воровство, обман и им подобные спутники реального рынка.

дарство в капиталистической системе отражает в первую очередь интересы господствующего класса – буржуазии, во вторую очередь – интересы себя любимого – бюрократического аппарата, и только в третью и под давлением оппонирующего класса – интересы общества в целом.

Во-вторых, современная экономическая наука – в лице классического и нового институционализма, вслед за марксизмом так-таки поставила как *экономико-теоретическую* проблему соотношения формальных и неформальных институтов, бюрократизма и коррупции как «провалов государства» и т.п. Следующим шагом должна стать констатация того, что *обман, мошенничество, воровство, грабежи, государственное насилие и т.п. есть имманентные и неустраняемые на практике провалы рынка*, которые при определенных условиях могут не более чем минимизироваться. И только по видимости парадоксальным будет то, что *«лекарство» от провалов государства и от провалов рынка будет одно и то же – развитие подлинной демократии и гражданского общества* (см., напр. об одном из возможных решений – так называемой *participatory economy*, основанной на демократическом горизонтальном итерационном планировании: Devine, 2002; Gomez-Ramirez, 2014; Laibman, 2011).

Вернемся к нашей дискуссии.

Будучи нацелены на критику в первую очередь советской системы планирования, наши критики ломятся буквально в открытую дверь, всячески доказывая, что советская модель директивной плановой экономики не выдержала соревнования с развитыми капиталистическими экономиками. При этом характерно, что доказывается это не обращением к экономическим фактам (которых автор мог бы привести в подтверждение своей позиции предостаточно), а обращением к мнениям различных зарубежных экономистов. Самое удивительное при этом, что, цитируя критические высказывания о советской экономике Пола Крейга Робертса (далеко не самого авторитетного и сильного критика советской модели), О.Ю. Мамедов предпочитает умолчать, что Робертс является точно так же и критиком либерального капитализма (см., напр., его книгу: Roberts, 2013).

Но довольно об СССР. За что же еще нас критикуют наши оппоненты?

4. Что, как и с какой целью можно и должно планировать

Процитировав на двух страницах (Мамедов, 2016, с. 13–14) длинный отрывок из учебника, взятого с американского портала дистанционного обучения Boundless, о сравнении плановой и рыночной экономик (естественно, в пользу последней), О.Ю. Мамедов переходит к вопросу о целях планирования.

Обвинив авторов в желании «пообещать невыполнимое», наш оппонент патетически восклицает: «Каким образом механизмы планирования будут задавать векторы развития – сие тайна велика есть!» (Мамедов, 2016, с. 15). Да, разумеется, это тайна, но только в том случае, если игнорируется давно уже существующая разгадка этой загадки. Эту «разгадку» дает реальный опыт индикативного планирования и селективного регулирования рыночной экономики, например, в рамках активной промышленной политики в ФРГ, Японии, Франции, Италии и т.д. в 50–70-е гг. XX в. или в Финляндии и Китае в первые полтора десятилетия XXI столетия.

Более того, авторы специально раскрыли и теоретически обобщили этот опыт в своих текстах по планированию, показав, как на основе диалога гражданского общества, экспертных сообществ, научных и государственных институтов в новом столетии может формироваться дерево целей народнохозяйственного планирования.

Но может быть есть некая тайна в средствах достижения целей, в *методах планирования*?

Напомнив читателю, что планирование бывает разное: бывает директивное, а бывает индикативное, – наш критик переходит к обличению Бузгалина и Колганова,

упрекая нас в том, что мы сначала анализируем опыт индикативного планирования в капиталистических системах, а потом, якобы, предлагаем директивное планирование советского типа. «Но, позвольте, – возражает нам оппонент, – хвалят за “индикативные планы”, а подсовывают-то директивное планирование, – что же это делается?».

Обвинение серьезное, но вот вопрос: а кто, собственно говоря, «подсовывает»?

Бузгалин и Колганов, которые, тщательно разжевывая свою позицию, разъясняют, в каких сферах, как и почему в практиках разных стран используются косвенные методы регулирования, являющиеся средствами реализации селективных планов, а где, когда и почему используются (в условиях капитализма – в крайне ограниченных масштабах) прямые методы реализации государственных директив? Или нашим ссылкам на мировой опыт индикативного планирования и селективного регулирования экономики не смогли ничего противопоставить и решили приписать нам лозунг широчайшего внедрения директивного планирования?

Проблема, однако, в том, что мы такой идеи не продвигаем, и обосновать свои критические замечания нашему оппоненту нечем, кроме надежд на аудиторию, не читавшую наши статьи.

Возможно, чувствуя слабость этой позиции, наш критик решает бросить козыри на стол. Мол, что бы ни предлагали авторы – регулирование, индикативное планирование, директивное планирование, – все равно будет плохо. Почему? Вот аргумент: *«государство ничего другого, кроме того, что оно делало на протяжении семидесяти (!) лет советской власти, в эпоху своего абсолютного всевластия и абсолютной безнаказанности, когда полностью разрушила свою историческую добычу – российскую экономику, иное сотворить не в состоянии»* (Мамедов, 2016, с. 20).

Более того, нынешнее российское государство тоже представляется автору критикуемой нами статьи монстром, подмявшим под себя практически весь бизнес. От него, от него, проклятого, все наши беды! – доказывает он на протяжении последних трех страниц своего текста.

Самое странное, что мы – намеренно повторим – согласны с нашими либеральными критиками вообще (включая и О.Ю. Мамедова), в частности, и в том, что советская система имела глубокие противоречия, анализу которых мы посвятили немало наших работ, и в том, что нынешнее российское государство глубоко бюрократизировано и страдает от коррупции. Согласны мы с ним и в том, что *без последовательной демократизации государства и развития социальной активности граждан (о последней «мелочи», правда, в данной статье ничего не говорится) решение задач эко-социогуманитарно-ориентированного развития экономики невозможно.*

Но мы принципиально не согласны с критиками планирования и государственного регулирования в том, что главное средство борьбы с бюрократизмом – как можно более глубокая либерализация. Более того, и в странах Запада, и в России попытки реализации нелиберальных экономических принципов на деле оборачиваются ростом бюрократии, аппарата насилия и коррупции, тогда как наименьшим уровнем коррупции и бюрократизации экономики по всем международным рейтингам оказываются в странах, где одновременно развиваются и масштабное государственное регулирование, и процессы демократизации власти³.

³ Международные статистические данные свидетельствуют: наименьший уровень коррупции и бюрократизации характерен для стран с наибольшим удельным весом государства в экономике. Так, по данным за 2016 г. Дания, Финляндия, Швеция, Норвегия входят в шестерку самых некоррупцированных стран, США занимают в этом рейтинге 18-е место, а РФ – 131-е (Transparency International, 2016), причем эти позиции в рейтинге, с небольшими вариациями, характерны для рассматриваемых стран и в предшествующие годы. При этом страны Северной Европы, несмотря на нелиберальную глобализацию, продолжают удерживать высокую долю государственных расходов в ВВП. Так, например, в 2014 г. доля государственных расходов составила в Швеции 51,5%, в Дании – 55,3%, в Норвегии – 45,9% в Финляндии – 58,1% от ВВП, в то время как в США – 38% (OECD, 2016), в России – 19,5% (The Global Economy, 2016). В качестве показателя уровня бюрократизма примем индекс экономической свободы – интегральный показатель, при расчете которого экономическая свобода понимается как отсутствие вмешательства правительства и отсутствие бюрократических барьеров для свободно протекающих

Вернемся к проблемам планирования.

Выше мы говорили о «тайне» формирования целей плана и о различии между директивным и индикативным планированием. Последние размышления позволяют нам дать ответ и на вопрос о «тайнах» *средств реализации плановых целей*.

Реализация целей плана обеспечивается, как хорошо известно, при помощи (1) активной промышленной политики – селективного налогового, кредитного, финансового, таможенного и т.п. (т.е. не директивного, а косвенного) регулирования плюс (2) при помощи прямых плановых действий государства – инвестиций, закупок и т.п.

В этих методах общественного целеполагания и общественного воздействия на производство, обмен и распределение с целью реализации данных целей мы никакой тайны не видим: они, повторим, известны не только из практик рыночных экономик, но и из учебников, эти практики описывающих.

Мы же в своих статьях постарались показать, что народнохозяйственные планы могут и должны фиксировать демократически выработанные и принятые цели общественного развития и предлагать систему мер их реализации. Среди первых приоритетом должен быть прогресс человеческих качеств, а экономический рост, тем более чисто количественный, должен рассматриваться как одно из средств реализации этой цели.

Что касается средств, то они, повторим, в современной экономике – экономике позднего капитализма – могут включать косвенные регуляторы, адресованные большей части экономики (массовое производство, торговля и коммерческие услуги, финансы и т.п.), и комбинацию прямых и косвенных методов для регулирования весьма ограниченного (преимущественно сферами образования, здравоохранения, фундаментальной науки, культуры, инфраструктуры) общественного сектора. При этом, намеренно повторим наш рефрен-«припев», экономика в своей основе будет по-прежнему оставаться рыночно-капиталистической. О социалистической революции и экономике посткапитализма мы в статьях о планировании ничего не пишем.

5. Где и сколь широко можно и должно использовать плановые методы?

Этот наш рефрен, однако, не убеждает профессора, который адресует нам новое обвинение: «Авторы профессионально, если позволительно будет сказать, «темнят», поскольку прекрасно понимают, что *«определенные ограниченные сферы» – это та часть рыночной экономики, которая выталкивается из рыночной системы именно посредством планирования; еще точнее – отдается на поедание планированию, а главное – переводимая на иной, нерыночный механизм функционирования*» (Мамедов, 2016, с. 15). Обвинение серьезное, причем именно обвинение: мы, дескать, пусть и профессионально, но темним. Позволим себе не менее жесткий ответ.

Во-первых, мы не раз и не два *прямо и недвусмысленно* пишем о том, что да, планирование – это механизм, противоположный рыночному саморегулированию, что оно действительно выводит из сферы рынка в определенные сферы экономической жизни. В случае с директивным планом – по преимуществу (стоимостные формы учета в реальном планировании всегда используются), в случае с селективным планом, выполнение которого обеспечивается при помощи косвенных регуляторов, – в некоторой мере (регуляторы не отменяют действие механизмов рыночной конъюнктуры, а лишь корректируют последнюю). И здесь нет никакой «темноты», тем более что любому экономисту хорошо известно: начиная с XX в. (а то и раньше) *в рыночной экономике существуют такие сектора, которые «выталкиваются из рыночной системы» не*

рыночных процессов, за исключением необходимой защиты граждан и обеспечения базовых гарантий свободы. По данному индексу Финляндия, Швеция и Норвегия входят в первые два-три десятка стран-лидеров по уровню экономической свободы, составляя группу «преимущественно свободных» стран со значениями индекса в районе 70 единиц (из максимальных 100, соответствующих абсолютной экономической свободе), Россия входит в группу «преимущественно несвободных стран» и занимает 114-е место со значением индекса 57,1 (приводится по: The Heritage Foundation, 2017).

чьей-то злой волей, а явлением, давно известным под именем «провалы рынка»; что существуют сектора производства общественных благ и квази-общественных благ, каковые могут быть предоставлены потребителям на нерыночной основе заведомо эффективнее, чем на рыночной.

И это все – не область научной полемики. Это факты. Так функционирует вот уже более полувека любая развитая рыночная экономика. И если кто-то, подобно некоторым теоретикам австрийской школы, считает, что эти практики следует изменить, радикально либерализовав экономику, – нет, не российскую, а, например, североамериканскую, – то так и надо писать, адресуя свою критику не Бузгалину и Колганову, а президенту и правительству США: уважаемые господа, откажитесь, наконец, от ваших программ по регулированию экономики, выбросьте, в конце концов, на помойку пережитки рузвельтовского реформаторства!

После приведенных выше критических замечаний О.Ю. Мамедов снова цитирует учебный материал (курс лекций в университете штата Джорджия) о соотношении рыночной и плановой экономик, где последняя характеризуется довольно уничижительным образом, и довольно восклицает: «Стоит ли удивляться, что выпускники американских университетов настроены весьма скептически относительно необходимости и эффективности макроэкономического планирования». Разумеется, если смотреть на экономическую действительность только через призму таких лекций, то результат предсказуем. Но, к счастью, существует еще и практика реальной экономической жизни. Да и другие учебники, а также многочисленные монографии и статьи весьма уважаемых и вполне прорыночных авторов (включая нобелевских лауреатов и экс-руководителей сугубо рыночных структур типа Дж. Стиглица⁴), которые читают выпускники американских университетов, многие из которых отнюдь не скептически относятся к необходимости макроэкономического регулирования и селективного народнохозяйственного планирования, голосуя на выборах за социалиста Сандерса, а не правого консерватора и сторонника сокращения государственного регулирования Трампа (хорошо известно, что не менее половины молодых американцев с высшим образованием голосовали именно за первого).

Продолжим. В своей статье оппонировавший нам автор просит читателей не верить в осуществимость ограниченного планирования, утверждая: «логика государства как единственного реального субъекта макроэкономического планирования будет подталкивать его к огосударствлению новых сфер, пока не охватит всю национальную экономику» (Мамедов, 2016, с. 16). Правда, примеров такого поведения государства в рыночной экономике, которое, начавшись бы с ограниченного планирования, затем бы охватило планированием всю экономику, наш критик не приводит. По одной простой причине – таких примеров в истории планирования в рыночных экономиках нет.

Поведав о грозящем при внедрении любого планирования кошмаре, нам предлагают и лекарство: «Единственное «противоядие» этому внутреннему государственно-империализму – бесконечная либерализация рыночной экономики и бесконечная борьба с любыми попытками огосударствления национальной экономики».

Собственно говоря, в этом императиве – главный посыл всех размышлений автора. Но, как мы уже отмечали, мнение, что любое огосударствление – зло, – точка зрения не новая, и имеющая своих сторонников. Единственное, что к этому добавляет в данной статье наш оппонент, так это идея «бесконечной либерализации». Что этот императив означает, пока не совсем ясно, но зато ясно, что практика мировой экономики с идеей вывести государство из экономики никак не соглашается, ни в одном своем

⁴ См., напр., доклад (Stiglitz, 2014), в котором автор приводит аргументы в пользу того, что менее активные рынки капитала не только являются более безопасными, но и лучше выполняют общественные функции, для которых эти рынки и предназначены.

звене – сохраняя везде как минимум треть, а как правило – две пятых, а то и половину экономики под своим контролем⁵.

* * *

Подытожим. Главным вопросом нашей полемики, по сути дела, являются не споры о масштабах государственного регулирования и не разногласия в трактовке тех или иных терминов. И не то, что кто-то путает, а кто-то не путает директивное и индикативное планирование. И даже не то, были советские плановые практики исключительно «черной дырой», рождающей дефицит и репрессии, или несли в себе (наряду со всеми противоречиями) и значительный позитивный опыт. Главное в том, что автор критикующей нас статьи считает (по Гамбургскому счету), что любое (даже косвенное) государственное регулирование есть зло.

Эта позиция хорошо известна, и с ней мы давно ведем полемику (равно как и профессор Мамедов, ведущий полемику со сторонниками активизации государственного регулирования в России, и не только). Но это предмет совершенно других дискуссий.

Целью же нашей серии статей по проблемам планирования было не доказательство необходимости расширения государственного регулирования в экономике позднего капитализма вообще и его полупереваренной российской версии, в частности.

Мы в своих текстах утверждали нечто иное.

Мы утверждаем, что, во-первых, в современных условиях в экономике любой страны, как бы мала (или велика) не была в ней роль государства, последнее не только устанавливает «правила игры», но и воздействует на экономические процессы, в том числе – на рыночную конъюнктуру. Соответственно, это воздействие эффективнее проводить не в порядке разовых пожарных мер, зависящих от политической конъюнктуры, а в рамках плана, устанавливающего цели развития и систему средств их реализации.

Во-вторых, мы доказываем, что дерево целей социально-экономического развития в современных условиях предпочтительно формировать сознательно, демократически, на основе широкого общественного диалога, не оставляя эту задачу исключительно в руках рынка, ибо «невидимая рука» рынка все больше указывает не в ту сторону: не в сторону обеспечения экономических условий прогресса человеческих качеств, а в сторону все большей финансиализации и роста посредничества.

Соответственно, в-третьих, система мер, обеспечивающих реализацию принятых обществом приоритетов, может включать как прямые (государственные закупки и инвестиции, социальные, экологические и иные нормативы), так и косвенные (селективные налоговые, кредитные и т.п. стимулы и барьеры) методы. Но и те, и другие (сколь бы ограничены или широки по сфере действия они не были) целесообразно объединять в рамках единой программы-плана.

Наконец, мы показали, что и у планирования, и у рыночного саморегулирования в экономике позднего капитализма имеются значимые «провалы»: плановую деятельность деформируют бюрократизм, коррупция и т.п., рынок – принципиальная неопределенность (мешающая удовлетворению части запросов общества), обман, махинации, кражи и т.д. Главное средство борьбы и с тем, и с другим – активизация социального творчества граждан, возрастание роли институтов гражданского общества и последовательная демократизация политической системы.

P. S.

Не удержимся в постскриптуме от короткой, но важной ремарки. В своем критическом материале О.Ю. Мамедов немало место уделяет филологическим изысканиям, возводя в ранг фундаментального и принципиального различие между словами «вы-

⁵ См., напр., данные о доле государственных расходов в странах мира, приводимые в качестве составляющей индекса экономической свободы (The Heritage Foundation, 2017).

нуждены» и «должны», и уверяя нас, что если субъекты экономической жизни вынуждены что-то делать, то это правильно и хорошо, а если должны – то очень плохо. Это открытие понадобилось ему для того, чтобы прицепиться к слову «должны» в критикуемой статье.

Слово «должны» извлекается им из аннотации к статье, и далее следует упрек: «Это абстрактное, ничем не обосновываемое и ниоткуда не выводимое, «долженствование» и обнаруживает всю слабость и малодоказательность основания авторской концепции» (Мамедов, 2016, с. 11).

Конечно, где уж в аннотации взяться основаниям, аргументам и доказательствам! Кроме того, опять подмена: здесь речь идет не о долженствовании как принципе организации экономики, а долженствовании перемен в экономической политике. Это все, конечно же, пустяки по сравнению с главными вопросами нашей дискуссии, но раз уж наш оппонент решил им посвятить некую часть своего текста, мы сочли невежливым оставить эти рассуждения без ответа...

Литература

Бузгалин, А. В. (ред.) 2016. *Планирование: перезагрузка*. М.: Культурная революция.

Бузгалин, А. В. 2012. Почему СССР не хочет становиться прошлым? (Загадка «мутантного социализма») // *Философские науки*, № 1, с. 33–46.

Бузгалин, А. В. 2011. Социально-экономическая система реального социализма и ее саморефлексия. Три текста, с. 22–57 / В: Булавка, Л., Крумм, Р. (ред.) *Застой. Потенциал СССР накануне распада*. М.: Культурная революция.

Бузгалин, А., Колганов, А. 2016а. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // *Вопросы экономики*, № 1, с. 63–80.

Бузгалин, А., Колганов, А. 2016b. Возрождение планирования: уроки истории (политико-экономический дискурс) // *Проблемы теории и практики управления*, № 1, с. 8–21.

Бузгалин, А., Колганов, А. 2016с. Национальное планирование: противоречия возрождения // *Проблемы теории и практики управления*, № 7, с. 8–20.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. 2016d. Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // *Вопросы политической экономики*, № 1, с. 21–43.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. 2010. *10 мифов об СССР*. М.: Яуза: Эксмо.

Мамедов, О. Ю. 2016. «Троянский конь» директивности // *Terra Economicus*, т. 14, № 2, с. 6–25. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-6-25.

Balassa, B. 1990. Indicative planning in developing countries // *Journal of Comparative Economics*, vol. 14, issue 4, 560–574.

Cazes, B. 1990. Indicative planning in France // *Journal of Comparative Economics*, vol. 14, issue 4, 607–619.

Devine, P. 2002. Participatory planning through negotiated coordination // *Science and Society*, vol. 66, issue 1, 72–85.

The Global Economy, 2016. Government spending as percent of GDP // *theGlobalEconomy.com* (http://www.theglobaleconomy.com/Russia/Government_size/ – Access date February 19, 2017).

Gomez-Ramirez, L. 2014. On theories of a democratic planned economy and the coevolution of “Pro-democratic planning” preferences // *International Critical Thought*, vol. 4, no. 2, 178–197.

The Heritage Foundation. 2017. 2017 Index of Economic Freedom // *The Heritage Foundation. Institute for Economic Freedom* (<http://www.heritage.org/index/ranking> – Access date February 19, 2017).

Jameson, F. 1991. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.

Kotz, D. 2015. *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism*. Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press.

Kuznets, P. 1990. Indicative planning in Korea // *Journal of Comparative Economics*, vol. 14, issue 4, 657–676.

Laibman, D. 2011. Incentive design, iterative planning and local knowledge in a maturing Socialist economy // *International Critical Thought*, vol. 1, issue 1, 35–56.

Levy, J. (ed.) 2006. *The State After Statism: New State Activities in the Age of Liberalization*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Mandel, E. 1975. *Late Capitalism*. London: Verso.

Moriguchi, Ch. 1980. Japan's recent experiences of quantitative economic planning // *Revue économique*, vol. 31, no. 5 Le VIIIème plan, 853–856.

OECD. 2016. General government spending // *OECD Data* (<https://data.oecd.org/gga/general-government-spending.htm> – Access date February 19, 2017).

Roberts, P. C. 2013. *The Failure of Laissez Faire Capitalism and Economic Dissolution of the West*. Atlanta, GA: Clarity Press.

Rosser, J. B., and Rosser, M. V. 2004. Whither indicative planning, the case of France, pp. 179–201 / In: Rosser, J. B., and Rosser, M. V. *Comparative Economics in a Transforming World Economy*. Massachusetts, Cambridge, London: MIT Press.

Sato, K. 1990. Indicative planning in Japan // *Journal of Comparative Economics*, vol. 14, no. 4, 635–641.

Solow, R. 2013. Stray thoughts on how it might go, pp. 137–144 / In: Palacios-Huerta, I. (ed.) *In 100 Years Leading Economists Predict the Future*. Cambridge, MA; London: The MIT Press.

Stiglitz, J. E. 2014. Tapping the brakes: Are less active markets safer and better for the economy? // *Paper prepared for presentation at Atlanta Federal Reserve Conference, April 15, 2014* (<https://www.frbatlanta.org/-/media/documents/news/conferences/2014/fmc/Stiglitz.pdf> – Access date February 19, 2017).

Transparency International. 2016. *Corruption Perceptions Index 2016* (http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016#table – Access date February 19, 2017).

References

Balassa, B. 1990. Indicative planning in developing countries // *Journal of Comparative Economics*, vol. 14, issue 4, 560–574.

Buzgalin, A. and Kolganov, A. 2016a. Planification: Potential and role in XXI century market economy. *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, 63–80. (In Russian.)

Buzgalin, A. and Kolganov, A. 2016b. The revival of planning: The lessons of history (political economy discourse). *Problemy teorii i praktiki upravleniya [The International Journal Theoretical and Practical Aspects of Management]*, no. 1, 8–21. (In Russian.)

Buzgalin, A. and Kolganov, A. 2016c. National planning: Contradictions of the revival. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [The International Journal Theoretical and Practical Aspects of Management]*, no. 7, 8–20. (In Russian.)

Buzgalin, A. V. (2012). Why the USSR does not want to become the Past? (The mystery of Mutant Socialism)]. *Filosofskie nauki [Russian Journal of Philosophical Science]*, no. 1, 33–46. (In Russian.)

Buzgalin, A. V. (ed.) 2016. *Planning: reloaded*. Moscow: Cultural Revolution Publ., 389 p. (In Russian.)

Buzgalin, A. V. 2011. Sotsial'no-ekonomicheskaya sistema real'nogo sotsializma i ee samorefleksiya. Tri teksta [The socio-economic system of real Socialism and its self-reflection. Three texts], pp. 22–57 / In: Bulavka, L., and Krumm, R. (eds.) *Zastoy. Potentsial*

SSSR nakanune raspada [Stagnation. The Potential of the USSR on the Eve of the Collapse]. Moscow: Cultural Revolution Publ. (In Russian.)

Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. 2010. *10 mifov ob SSSR [10 Myths About the USSR]*. Moscow: Yauza: Eksmo Publ., 448 p. (In Russian.)

Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. 2016d. Theory of systematically development (regularity) and objectives of the development of selective planning in market economy // *Voprosy politicheskoy ekonomii [Issues of Political Economy]*, no. 1, 21–43. (In Russian.)

Cazes, B. 1990. Indicative planning in France // *Journal of Comparative Economics*, vol. 14, issue 4, 607–619.

Devine, P. 2002. Participatory planning through negotiated coordination // *Science and Society*, vol. 66, issue 1, 72–85.

Gomez-Ramirez, L. 2014. On theories of a democratic planned economy and the coevolution of “Pro-democratic planning” preferences // *International Critical Thought*, vol. 4, no. 2, 178–197.

Jameson, F. 1991. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.

Kotz, D. 2015. *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism*. Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press.

Kuznets, P. 1990. Indicative planning in Korea // *Journal of Comparative Economics*, vol. 14, issue 4, 657–676.

Laibman, D. 2011. Incentive design, iterative planning and local knowledge in a maturing Socialist economy // *International Critical Thought*, vol. 1, issue 1, 35–56.

Levy, J. (ed.) 2006. *The State After Statism: New State Activities in the Age of Liberalization*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Mamedov O. 2016. “Trojan horse” of directive planning. *Terra Economicus*, vol. 14, no. 2, 6–25. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-6-25. (In Russian.)

Mandel, E. 1975. *Late Capitalism*. London: Verso.

Moriguchi, Ch. 1980. Japan’s recent experiences of quantitative economic planning // *Revue économique*, vol. 31, no. 5 Le VIIIème plan, 853–856.

OECD. 2016. General government spending // *OECD Data* (<https://data.oecd.org/gga/general-government-spending.htm> – Access date February 19, 2017).

Roberts, P. C. 2013. *The Failure of Laissez Faire Capitalism and Economic Dissolution of the West*. Atlanta, GA: Clarity Press.

Rosser, J. B., and Rosser, M. V. 2004. Whither indicative planning, the case of France, pp. 179–201 / In: Rosser, J. B., and Rosser, M. V. *Comparative Economics in a Transforming World Economy*. Massachusetts, Cambridge, London: MIT Press.

Sato, K. 1990. Indicative planning in Japan // *Journal of Comparative Economics*, vol. 14, no. 4, 635–641.

Solow, R. 2013. Stray thoughts on how it might go, pp. 137144 / In: Palacios-Huerta, I. (ed.) *In 100 Years Leading Economists Predict the Future*. Cambridge, MA; London: The MIT Press.

Stiglitz, J. E. 2014. Tapping the brakes: Are less active markets safer and better for the economy? // *Paper prepared for presentation at Atlanta Federal Reserve Conference, April 15, 2014* (<https://www.frbatlanta.org/-/media/documents/news/conferences/2014/fmc/Stiglitz.pdf> – Access date February 19, 2017).

The Global Economy, 2016. Government spending as percent of GDP // *theGlobalEconomy.com* (http://www.theglobaleconomy.com/Russia/Government_size/ – Access date February 19, 2017).

The Heritage Foundation. 2017. 2017 Index of Economic Freedom // *The Heritage Foundation. Institute for Economic Freedom* (<http://www.heritage.org/index/ranking> – Access date February 19, 2017).

Transparency International. 2016. *Corruption Perceptions Index 2016* (http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016#table – Access date February 19, 2017).